
**РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ: ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛИИ XXI ВЕКА
(АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Русакович Василий Игоревич¹

В статье представлен обзор научной литературы по вопросу о влиянии природных ресурсов на экономический рост. Показано, что в настоящее время в научной литературе существует два научных подхода. Одни авторы доказывают, что фактор «земля» имеет исключительно негативное влияние на экономический рост с учетом других значимых переменных. Другие авторы утверждают, что негативное влияние не является объективным следствием ресурсообеспеченности, и современная мировая практика подтверждает эту точку зрения. В статье делается вывод о том, что все больше современных исследований поддерживают вторую точку зрения, а термин «ресурсное проклятие» автор рассматривает как имеющий не экономический, но, скорее, политический контекст.

Ключевые слова: природные ресурсы, «голландская болезнь», «ресурсное проклятие», ресурсообеспеченность, экономический рост.

JEL-коды: B 22, B 52, F 52.

Роль и значение природных ресурсов как фактора роста национальной экономики до настоящего времени исследуется экономистами-теоретиками, практиками и политиками, высказывающими различные точки зрения и ищущими возможности устойчивого экономического развития.

Негативное влияние: основные концептуальные подходы

Первые объяснения негативного влияния изобилия природных ресурсов были основаны на *структуралистских подходах* 1950-х гг., в которых основное внимание уделялось снижению условий обмена между сырьевыми и промышленными секторами (Prebisch R., 1950), волатильности цен на сырьевые товары или ограниченным связям между сектором природных ресурсов и остальной экономикой (Hirschman A., 1958). Однако ни одно из этих объяснений не было подтверждено эмпирическими исследованиями, проведенными в последующем.

С этим подходом связано такое понятие как «голландская болезнь». Поскольку изобилие природных ресурсов повышает валютные поступления, это, как правило, приводит к повышению обменного курса и последующему вытеснению других видов

¹ *Русакович Василий Игоревич* — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

деятельности в открытой и торгуемой части экономики, при этом способствуя росту государственного сектора и не торгуемым сегментам.

Одни, из которых наиболее известен Тадеуш Рыбчинский, полагают, что природные ресурсы следует рассматривать скорее как ограничитель, чем катализатор экономического роста. Во главу угла Т. Рыбчинский ставил предположение о «...закрытости экономики и наличии в ней только двух факторов производства, X и Y, которые совершенно делимы, совершенно мобильны, и в определенной степени взаимозаменяемы. На основании проведенного анализа Т.Рыбчинский доказывает, что при одинаковых нормах замещения в производстве увеличение количества одного фактора должно привести к абсолютному расширению выпуска товара, связанного с использованием относительно большого объема этого фактора, и к абсолютному сокращению выпуска товара, связанного с использованием относительно меньшего объема того же фактора» (теорема Рыбчинского) (Rybczynski T.M., 1995).

Сегодня у Т. Рыбчинского есть множество последователей. Так, Дж. Аути приходит к выводу о «сырьевой ловушке» и недостаточном развитии ресурсообеспеченных государств и вводит термин «ресурсное проклятие» (Auty R., 1990).

Другие объяснения проклятия ресурсов, часто представленные автономно, также могут частично рассматриваться как симптомы голландской болезни. Эти аргументы включают восприятия природных ресурсов как сдерживающего фактора для развития предпринимательства (Sachs J.D., Warner A.M., 2001), уменьшения сбережений и инвестиций, снижение инвестиций в образование и человеческий капитал (например, Gylfason T., 2001).

Сакс и Уорнер, в частности, отмечают: «Одна из удивительных особенностей современного экономического роста заключается в том, что экономики стран, богатых природными ресурсами, как правило, растут медленнее, чем стран, не располагающих значительными природными ресурсами» (Sachs J.D., Warner A.M., 2001). Эти и другие авторы полагают, что богатые природные ресурсы служат основой для получения и увеличения ренты (*«рентоориентированное поведение»*), а также политического влияния, а не экономической эффективности и конкурентоспособности. Даже там, где режимы прилагают усилия для более широкого распределения доходов среди населения в целом, существует опасность усвоить привычки «уютной жизни». Таким образом, большее количество природных ресурсов ведет к снижению благосостояния в долгосрочной перспективе (Sachs J.D., Warner A.M., 1997). В свою очередь, большее количество природных ресурсов увеличивает количество предпринимателей, занимающихся их разработкой, что приводит к сокращению числа предпринимателей, управляющих производственными фирмами (Torvik R., 2002).

Т. Гилфсон, профессор экономики университета Исландии, исследовал опыт развития различных стран, богатых природными ресурсами с 1960-х гг. и пришел к выводу о том, что ресурсообеспеченность и насыщенность фактора «земля» имеет тенденцию вытеснять иностранный капитал, ухудшать состояние социального, человеческого, физического и финансового капитала, тем самым препятствуя экономическому росту во всех странах. Он пишет: «Страны, сильно зависящие от природных ресурсов, как правило, имеют (а) меньше торговли и иностранных инвестиций, (б) больше коррупции, (с) меньше равенства, (d) меньше политической свободы, (е) более низкий уровень образования, (f) меньше внутренних инвестиций и (g) меньшую

финансовую глубину, чем у других стран, менее наделенных или менее зависимых от природных ресурсов» (Gylfason T., 2000).

Производство большинства природных ресурсов является капиталоемким, что предполагает высокие постоянные издержки. В то же время цены на сырьевые товары, как правило, изменчивы, что чревато серьезными макроэкономическими колебаниями, включая периоды низкой доходности. Мало того, что это само по себе может затормозить рост производительности. Высокая волатильность цен на сырьевые товары, сохраняющаяся, как правило, на мировом рынке, еще больше подрывает поддержку долгосрочных инвестиций, в том числе в НИОКР (Poelhekke S., Van der Ploeg F., 2010).

Поскольку природными богатствами, как правило, распоряжается непосредственно правительство, оно может получить завышенный статус по сравнению с другими субъектами хозяйствования. Как следствие, доля национального дохода, поступающего населению в целом, будет, как правило, меньше. Кроме того, поскольку государственные доходы формируются не за счет налогов, взимаемых с населения в целом, правительство в меньшей степени подотчетно обществу и в меньшей степени стремится использовать государственные ресурсы для решения общественных задач (Devarajan Sh. et al., 2010).

В настоящее время растет количество исследований относительно негативного влияния «ресурсного проклятия» на качество институтов. Ряд исследований приходит к выводу, что «проклятие» «действует» через институциональные факторы (Isham J. et al., 2005; Sala-i-Martin X., Subramanian A., 2003; Arzeki R., Bruckner M., 2009). Частично это воздействие может быть обусловлено меньшим давлением, оказываемым на проведение необходимых структурных реформ, таких как реформы, направленные на расширение конкуренции, создание возможностей для развития образования, обучения и поощрения экономической деятельности, а также создание новых предприятий (Amin M., Djankov S., 2009). Поскольку доходы от природных ресурсов неизменно увеличивают государственный сектор, они, как правило, завышают статус и выгоды, связанные с государственной службой. Таким образом, существует явная опасность ослабления институтов, а также низких стимулов для граждан, в частности, вести предпринимательскую деятельность, в том числе — инновационную.

Американские ученые говорят о том, что феномен «ресурсного проклятия» может иметь место не только на страновом, но даже и на субнациональном уровне. Так, в США различные штаты дифференцированы по уровню экономической динамики, что ставится в зависимость от их ресурсообеспеченности.

Формирование новой парадигмы

Причинно-следственная связь между изобилием природных ресурсов и социально-экономическим ростом остается спорной, и многие исследователи не поддерживают или даже опровергают доказательства наличия «ресурсного проклятия».

Если доходы от природных ресурсов в виде доли от валового внутреннего продукта (ВВП) используются в качестве косвенного показателя для активов природных ресурсов, то группа богатых природными ресурсами стран, по определению, будет включать зависящие от сельского хозяйства и недиверсифицированные экономики. Их определяют как «инновации и бедный человеческий капитал», и наоборот, высокая доля природных

ресурсов в экономике является в то же время результатом медленного роста и доказанной неспособности к диверсификации (Smith A., 2007).

Другие задавались вопросом о том, в какой степени изобилие природных ресурсов действительно может считаться недостатком для данной экономики. Например, Ледерман и Мэлони обнаружили, что результаты Сакса и Уорнера спорны при использовании других подходов к анализу указанного периода времени, хотя и приходят к выводу, что высокая концентрация экспорта оказывает значительное негативное влияние на экономический рост (Lederman D., Maloney W., 2002). Результат Гилфсона также зависит лишь от нескольких видов природных ресурсов.

Лейте и Вейдман не обнаружили прямого воздействия изобилия природных ресурсов на экономический рост в период с 1970 по 1990 гг., однако они продемонстрировали важное косвенное воздействие этих ресурсов на коррупцию, что, в свою очередь, негативно сказывается на росте (Leite C., Weidmann J., 2002).

Некоторые авторы анализируют ряд современных статистически исследований и приходят к выводу об отсутствии «сырьевого проклятия», особенно если это касается нефти и некоторых других видов минеральных богатств (Alexeev M., Conrad R., 2009; Herb M., 2005). Что касается волатильности, то ее негативное влияние смягчает хорошо развитая финансовая система (Van der Ploeg F., Poelhekke S., 2009).

Столь же неоднозначна и имеющаяся мировая практика. Мировая экономика подтверждает, что есть страны, которые обладают природными ресурсами, особенно стратегическими (энергетические, руды некоторых цветных и редких металлов, драгоценные металлы и камни), и могут обеспечить себе экономический рост, внутреннюю социально-политическую стабильность и другие положительные эффекты, и к ним относятся не только США, Канада, Норвегия и некоторые другие развитые страны.

Так, государства-участники интеграционного объединения ССАГПЗ (Бахрейн, Кувейт, Катар, Оман, Саудовская Аравия и ОАЭ), несмотря на исключительную зависимость от своей природно-ресурсной базы, или, скорее, благодаря ее наличию, за последние несколько десятилетий продемонстрировали очень высокие темпы экономического роста. За относительно короткий промежуток времени все они вышли за рамки статуса экономики со средним уровнем дохода. Некоторые из них в настоящее время входят в число самых богатых и стабильных экономик мира (Gylfason T., 2000).

Выводы

Вопросы, касающиеся влияния природных ресурсов на экономический рост и другие аспекты экономического и социального развития, продолжают оставаться в фокусе исследователей, а теоретические и практические подходы к исследованиям продолжают развиваться. В то же время можно утверждать, что однозначного ответа на этот вопрос не только нет, но и не может быть, так как в каждом конкретном случае имеют место собственные особенности, подходы, цели и задачи, которые могут изменяться со временем. Так, в той же группе стран ССАГПЗ, одной из наиболее богатых природными ресурсами в мире, в XXI в. ставятся не столько задачи сохранения и увеличения нефтяной ренты, но упор делается на развитие человеческого капитала, инноваций и конкурентоспособности на основе формирования новых компетенций и относительных преимуществ.

Поэтому «ресурсное проклятие» можно рассматривать скорее как политический «ярлык», чем как объективную экономическую реальность, применяемый как инструмент конкурентной борьбы в условиях роста нестабильности мировой экономики и усиления позиций стран с развивающимися рынками, относительно которых, как правило, и применяются указанные инструменты.

Список литературы

1. Alexeev M., Conrad R. (2009). The elusive curse of oil. *Review of Economics and Statistics*, 91(3), pp. 586-598.
2. Amin M., Djankov S. (2009). Natural Resources and Reforms. *SSRN Electronic Journal*. DOI:10.2139/ssrn.1366034.
3. Arzeki R., Bruckner M. (2009). Oil Rents, Corruption, and State Stability: Evidence From Panel Data Regressions, *IMF Working Paper WP/09/267*.
4. Auty R.M. (1990). *Sowing the oil in eight developing countries*. New York: Oxford University Press.
5. Devarajan Sh., Le Tuan M., Raballand G. (2010). Increasing Public Expenditure Efficiency in oil-rich economies. The World Bank Africa region Chief Economic office.
6. Gylfason T. (2001). Natural resources and economic growth; what is the connection. *CESifo Working Paper*, No. 50.
7. Gylfason T. (2000). Natural resources, education and economic development. Paper presented at the 15th Annual Congress of the European Economic Association, Bolzano, August-September.
8. Herb M. (2005). No representation without taxation? Rents, development and democracy. *Comparative Politics*, 37(3), pp. 297–317.
9. Hirschman A.O. (1958). *The Strategy of Economic Development*.
10. Isham J., Woolcock M., Pritchett L., Busby G. (2005). The Varieties of Resource Experience: Natural Resource Export Structures and the Political Economy of Economic Growth. *World Bank Economic Review*, 19 (2). pp. 141–174.
11. Leite C., Weidmann J. (2002). Does mother nature corrupt? Natural resources, corruption and economic growth. In: G.Abed, S.Gupta (eds.). *Governance, corruption, and economic performance*. Washington DC: International Monetary Fund, pp. 156–169.
12. Lederman D., William F. (eds.)(2002). *Maloney Natural resources, neither curse nor destiny*. edited by. Stanford University Press& The World Bank.
13. Poelhekke S., Van der Ploeg F. (2010). Do Natural Resources Attract FDI? Evidence from non-stationary sector level data. *DNB Working Paper*, No. 266 / November.
14. Prebisch R. (1950). *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*, United Nations department of economic affairs, Lake Success, New York.
15. Rybczynski T.M. (1995). Factor Endowments and Relative Commodity Prices. *Economica*, Nov., No. 84, P. 336–341.
16. Sachs J.D., Warner A.M. (2001). The Curse of Natural Resources. *European Economic Review*, Vol. 45, pp. 827-838.
17. Sachs J., Warner A. (1997). *Natural resource abundance and economic growth*. Harvard University; Cambridge MA.

18. Sala-i-Martin X., Subramanian A. (2003). Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria. IMF Working Paper WP/03.
19. Smith A. (2007). Grassroots innovations for sustainable development: Towards a new research and policy agenda. *Environmental Politics*, Vol. 16, Issue 4, pp. 584–603.
20. Torvik R. (2002). Natural resource rent seeking and welfare'. *Journal of Development Economics*, 67(2), 455–70.
21. Van der Ploeg F., Poelhekke S. (2010). The pungent smell of 'red herrings': subsoil assets, rents, volatility and the resource curse. *Journal of Environmental Economics and Management*, 60(1), pp. 44–55.

RESOURCE CURSE: FICTION OR REALITIES OF THE XXI CENTURY: ANALYSIS OF SCIENTIFIC LITERATURE

Rusakovich Vasily Igorevich,

Plekhanov Russian University of Economics
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36.

The article presents a review of scientific literature on the impact of natural resources on economic growth. It is shown that currently there are two scientific approaches in the scientific literature. Some authors argue that the "land" factor has an extremely negative impact on economic growth, taking into account other significant variables. Other authors argue that the negative impact is not an objective consequence of resource availability, and modern world practice confirms this point of view. The article concludes that more and more modern researches support the second point of view, and the term "resource curse" is considered by the author as having not economic, but rather political context.

Key words: natural resources, "Dutch disease", "resource curse", resource availability, economic growth.

JEL-codes: B 22, B 52, F 52